

В. Э. ВАЦУРО

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОЛЕМИК 1820-х ГОДОВ

В истории русской литературы и общественной мысли начало 1820-х годов занимает совершенно особое место. Это время формирования декабристских обществ — и, с другой стороны, стремительной, но нередко подспудной эволюции поэтического стиля, складывания романтической эстетики, размежевания и противоборства литературных школ. Обоим аспектам этого движения — и общественно-идеологическому, и литературному — был посвящен ряд первоклассных исследований общего и частного характера, и каждое из них вскрывает все новые и новые стороны сложнейшей проблемы, еще подлежащие изучению. Одного из эпизодов литературной жизни этого времени мы коснемся в настоящем этюде. Он относится к 1820 году, году ссылки Пушкина и выступлений Карамзина в Вольном обществе любителей рос-

сийской словесности, когда явственно обозначается демаркационная линия между «левым» и «правым» крылом общества, когда выходят на поверхность и внутренние разногласия между «классиками» группы А. Е. Измайлова и «новой школой» Дельвига—Баратынского, когда начинаются полемические выпады Сомова и Цертелева против Жуковского. В ближайшие годы страницы измайловского «Благонамеренного» будут пестреть нападками на «сладострастные, вакхические и даже либеральные» стихотворения «баловней-поэтов». Все это известно, как известно и то, что в это время программы враждующих сторон не определились еще окончательно: «баловни» еще некоторое время будут помещать свои стихи в «Благонамеренном», участвовать в заседаниях Михайловского общества и уживаться со своими гонителями под кровом гостеприимного салона Пономаревой, а один из главных эстетических антагонистов Жуковского Кюхельбекер будет пока что прямо подражать ему в собственных стихах, писать элегии и в поэтических декларациях объединять себя, Дельвига и Баратынского в «союз поэтов».

19 января 1820 года в Вольном обществе любителей российской словесности читаются два послания, полученные Дельвигом из Финляндии от Баратынского — «К Д<ельви>гу» и «К К<рылов>у»¹. Первое из них — известные стихи «Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвиг мой» — напоминание петербургским друзьям о финском изгнаннике. Второе — резко отличное по своей тональности, играющее всеми красками гораццианского гедонизма, призывающее адресата «ловить мгновения» любви и радости в оживлении общего для всех «подземного дома».

Имя адресата второго послания было раскрыто в 1936 г.²; это поэт Александр Абрамович Крылов (1793 — 1829)³, на личности которого следует несколько задержаться⁴.

¹ В. Базанов. Ученая республика. М. — Л., «Наука», 1964, стр. 371.

² Е. А. Баратынский. Полн. собр. стихотворений, т. II. Л., «Советский писатель», 1936, стр. 285 (комментарий И. Н. Медведевой).

³ Годом рождения Крылова принято считать 1798 (по некрологу Я. И. Берендинова. — «Северная пчела», 1829, № 92); мы даем его по формулярному списку 1825 г. (ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, № 226 (1825 г.), л. 82 об.), где возраст его указан как «32 года». За указание на этот список благодарю В. П. Степанова.

⁴ О Крылове см. библиографическую справку в кн.: Барон Дель-

Крылов с февраля 1817 г. был членом-сотрудником, а с марта 1818 г. — действительным членом Вольного общества любителей российской словесности⁵. Таким образом, он принадлежал к числу старших членов общества, вступивших в него почти вслед за основателями. 9 января 1819 г. Орест Сомов рекомендовал его в действительные члены Общества любителей словесности, наук и художеств, и 23 января состоялось избрание⁶. Уже с конца 1810-х годов определяется его «французская» литературная ориентация: он переводит из «Воображения» Делиля, «Генриады» Вольтера; как и большевиков его современников, хорошо знает «легкую поэзию» и отдает дань Оссиану — главным образом, в рецепции Мильвуа. К 1819 г., помимо переводов, он был автором оссианических поэм-баллад («Оскар и Дермид», 1818, «Минвана», 1819). В дальнейшем, в 1820—1822 гг. он упрочит за собой славу автора «унылых элегий», рационалистически ясных и сдержанных, в которых современники будут находить «глубокую меланхолию», отличающую и «нравственный характер» самого поэта⁷. Характеристика эта принадлежит более позднему времени; однако и то немногое, что нам известно из ранних стихов Крылова, не слишком соответствует тому облику «веселого проповедника любви», «любезного говоруна», «Назона правнука и наследника», который был очерчен в послании к нему Баратынского. По-видимому, портрет этот был несколько стилизован — в духе времени и жанра.

Послание Баратынского производит впечатление ответа на какое-то не дошедшее до нас послание Крылова. На эту мысль наводит то обстоятельство, что около 1820 г. аналогичное послание Крылову пишет Дельвиг, друг и литературный единомышленник Баратынского. В стихах Дельвига и Баратынского ощущается некая тематическая общность; но Дельвиг, в отличие от Баратынского, отводит от себя титул

виг. Материалы биографические и литературные, собранные Ю. Верховским. Пб., 1922, стр. 101—103; дополнительные данные в нашей заметке: К биографии поэта пушкинского окружения. — Временник Пушкинской комиссии, 1966. Л., «Наука», 1969, стр. 61—63.

⁵ В. Базанов. Ученая республика, стр. 442.

⁶ Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в Отделе редких книг Научной библиотеки им. Горького (ЛГУ), № 200.

⁷ «Северная пчела», 1829, № 92.

«беспечного товарища резвых дней», ссылаясь на «хладный опыт», тяготеющий над ним с недавнего времени. Стоит пожалеть, что мы не знаем повода обоих посланий и можем лишь строить предположения, так как дальнейшие события позволяют думать, что уже за ними стояли какие-то литературные разговоры и, быть может, разногласия.

22 марта 1820 г. Крылов, по должности цензора стихов «ученой республики», выступает с рецензией на стихотворение Дельвига «Поэт»; мысль о самооценности и «божественной сущности» поэтического творчества ему, очевидно, близка, и он поддерживает стихи, которые, по его опасениям, могли встретить противодействие гражданской цензуры. Нет сомнения, что та же мысль, развернутая и конкретизированная в знаменитых «Поэтах» Кюхельбекера, читанных на заседании 22 марта 1820 г., равным образом вызывает его сочувствие. Он явно тяготеет к левому крылу общества и становится на его сторону в борьбе со сторонниками В. Н. Каразина⁸.

Все это не означало, однако, что Крылов был и литературным единомышленником «союза поэтов». Как мы уже говорили, он был связан не только с «соревнователями», но и с михайловским обществом. Протоколы этого общества сохранились с лакунами, и нам трудно представить себе общий объем его деятельности в лагере «михайловцев». Во второй половине 1819 г. он посещает 3 собрания из 12; в первой половине 1820 г. — 4 из 14⁹; в «ученой республике» за 1820 г. он был на 6 заседаниях из 33. «Цензор стихов» у «соревнователей», он был в 1819 г. избран и членом комитета для рассмотрения и издания трудов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, — вместе с Измайловым, Востоковым, Панаевым и В. Княжевичем¹⁰, и по должности своей представил целый ряд разборов стихов (Покровского, Великопольского, Анненкова, Б. Федорова, Н. Княжевича и «Херсониды» Боброва). Разборы его, насколько можно судить по сохранившемуся их образцу, — характерная для 1820-х годов критика «слога»; он добивается логической и

⁸ В. Б а з а н о в. Ученая республика, стр. 143, 133.

⁹ Архив Общества в ОРК Научной библиотеки им. Горького (ЛГУ), № 212, 160.

¹⁰ Там же, № 212.

грамматической ясности поэтического выражения; ему претит «утомительность» и «тяжесть» поэзии Ломоносова и Сумарокова, однако он, по-видимому, не склонен принимать и новейшую метафорическую поэзию. В нашем распоряжении нет разборов стихов этого типа, — однако, характерно, например, следующее его замечание (на стихи: «Румянцу свежем, чудесной белизне, В которые покой природы — живость Льет новую и новую игривость»): «Правда, говорят о румянце, что он *играет*, но в нем нет ничего *игривого*, и потому нельзя сказать «игривость румянца». Тем менее можно употребить это слово, говоря о белизне, по той весьма простой причине, что она никогда не играет»¹¹. Вне зависимости от справедливости этого комментария применительно к конкретным стихам он утверждает внеконтекстуальность, фиксированность поэтического значения слова. Можно думать поэтому, что в полемике Сомова против Жуковского Крылов должен был принять сторону Сомова.

Равным образом Крылов тяготел к «измайловцам» в их борьбе с «баловнями-поэтами» дельвиговского кружка. Он отделил себя от политических ретроградов, но с течением времени, как мы увидим далее, усиливалось его неприятие гедонистической поэзии. Именно это заставляет нас думать, что в посланиях к нему Дельвига и Баратынского, дружески комплиментарных, содержащих стилизованный и не вполне похожий на реального адресата портрет, ощущаются зародыши некоего литературного спора.

В послании Крылова к Кюхельбекеру, прочитанном 17 января 1821 г. на заседании общества «соребнователей», контуры этого спора несколько проясняются.

Послание это было исследовано В. Г. Базановым, поставившим его в прямую связь со стихотворением Кюхельбекера «Поэты». Не исключено, что в послании есть и прямые намеки на судьбу ссыльного Пушкина¹²; однако в целом оно имело, как нам представляется, более общий смысл.

Крылов почувствовал, что один из столпов «союза поэтов» утверждает принципы высокой поэзии и явно движется в сторону от гедонистической лирики. Такого рода тенденцию

¹¹ Там же, № 173.

¹² Напечатано в «Соребнователе», 1821, № 1, стр. 85. Ср. В. Базанов, Ученая республика, стр. 143.

можно было заметить уже и в «Поэте» Дельвига. Крылов спешит откликнуться. Его послание к Кюхельбекеру носит учительный характер. Именно высокая поэзия обозначена здесь традиционной и общепонятной метафорой «слава». Такого рода «славы» и должен добиваться поэт. По-видимому, Крылов вместе с группой Сомова—Цертелева склонен был видеть в стихах молодых «романтиков» пустоту и незначительность поэтического содержания. Мы вправе предположить, что близкие темы затрагивались в посланиях Крылова к Дельвигу и Баратынскому (если таковые были) или, во всяком случае, служили предметом обсуждения.

«Ответы» Дельвига и Баратынского были уклончивы. Баратынский «ответил» изящным «контрпоучением»: певец любви, оставайся тем, что ты есть, лови ускользящее мгновение, ибо тебя ждет неизбежная могила. Дельвиг «ответил», что он более не является певцом веселья, как и вообще певцом чего бы то ни было, и может лишь желать своим друзьям-поэтам счастья, самому ему неведомого. Такова гипотетически восстанавливаемая предыстория выступлений Крылова на заседании 22 марта 1820 г., где проблема назначения поэзии возникает в декларативной форме, и, наконец, послания Крылова Кюхельбекеру 1821 г., уже стоящего в преддверии полемики.

Кюхельбекер не ответил на послание Крылова: он был уже в это время за границей. Сам Крылов в 1821 г. также, видимо, по большей части находится вне Петербурга — в своем имении Кулибино Тихвинского уезда. Литературных связей он, однако, не теряет; к 1820—1822 гг. относится расцвет его поэтической деятельности: он пишет ряд элегий (в том числе лучшую из них — «Недоверчивость», 1821) и посылает для чтения свои стихи в оба общества. 26 мая 1821 г. он в Петербурге — и читает в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств два своих стихотворения — «Вакхические поэты» (в форме послания к А. Е. Измайлову) и «Н. Н. Уньковскому»¹³. Первое из них он тогда же вписал в альбом Измайлова «Памятник дружбы»¹⁴.

Стихотворение «Вакхические поэты» носит воинствующе

¹³ Архив Общества в ОРК Научной библиотеки им. Горького (ЛГУ), № 199.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 1336, оп. 1, № 23, л. 62—63 об.

полемический характер Крылов обращается к Измайлову в поисках «рода стихов», приносящих «истинную славу». «Слава», как мы уже видели, в его словоупотреблении есть общественное признание поэзии. На нее может претендовать лишь «высокая» поэзия, определяемая в значительной мере жанровыми категориями («род стихов»). Крылов включается в хорошо известную полемику о жанрах начала 1820-х годов, занимая в ней архаистические позиции.

Вслед за тем он декларативно отвергает «вакхическую поэзию». В его описании «модных поэтов» без труда узнавался кружок Дельвига — именно таким он представал в памфлетах и пародиях «измайловцев»:

В том дарованья нет приметы,
Кто недруг чаще круговой,
Все наши модные поэты
В ней потопляют гений свой,
Забыв уставы Аполлона,
Они в вине лишь знают вкус,
И Вакх с вершины Геликона
Грозит согнать несчастных муз!

Сам Крылов с иронической решимостью уходит в тень, предоставляя поле деятельности «баловням-поэтам». В его стихи вкрадываются элементы пародии

Я ввек пойду стезею темной,
Вдали от счастливых певцов,
Я никогда не буду с ними
Среди мечтательных пиров
Стучать бокалами пустыми!

Однако модных поэтов ждет кара Аполлона

Пред ними с шумом затворился
Бессмертия высокий храм!
Пускай трудятся их творенья
Читателей обнимут сном,
И поглотит река забвенья
Венец, обрызганный вином!¹⁵

Резкость этого выступления не вполне понятна. Быть может, оно вызревало исподволь, по мере того как росли расхождения. В другом послании — «Н. Н. Уньковскому» Крылов глухо говорит о «злых толках» на свой счёт, о «гласе Зоила», который готов объявить «вечное забвение» ему, уже

¹⁵ «Благонамеренный», 1821, № 10, стр. 140

удалившемся из Петербурга в свое тихвинское затворничество. Может быть, все это было и результатом болезненной мнительности — последние годы Крылова были омрачены психическим расстройством.

Как бы то ни было Измайлов поспешил опубликовать этот памфлет в «Благонамеренном». Крылов объявлял молодым поэтам, бывшим своим друзьям, открытую и принципиальную войну.

Тогда Баратынский выступает со вторым посланием Крылову.

Это стихотворение — «К-ву ответ», опубликованное впервые в «Русском инвалиде» под названием «К***»¹⁶, никогда не связывалось с именем Крылова, быть может потому, что оно разительно не похоже по своей тональности на первое послание к нему Баратынского. Между тем, если принять во внимание все перипетии внутренней борьбы, которые мы только что постарались проследить, его появление становится закономерным, а адресат — несомненным. Более того, оно подтверждает косвенно, что и первое послание должно читаться как содержащее внутреннюю полемику, еще не вышедшую на поверхность.

Баратынский сразу же отвечает на выраженное Крыловым «желание славы». Ответ этот полон снисходительной иронии, необычайно язвительной:

Кто жаждет славы, милый мой,
Тот не всегда себя прославит:
Терзает комик нас порой,
Порою трагик нас забавит.
Путей к Парнасу много есть:
Зевоту можно произвесть
Равно и притчею и одой,
Но век того не приобрести,
Что не даровано природой.

Переиздавая стихотворение, Баратынский, как он это обычно делал, снял конкретный намек: он изменил начало первой строфы, придав ей обобщенный смысл. «Ты» последующего текста во второй редакции имеет поэтому неопределенно-личное значение. В первой редакции это прямое обращение.

В послании «Н. Н. Уньковскому» Крылов писал о тяж-

¹⁶ «Русский инвалид», 1822, № 28, стр. 112.

ком труде, которого стоят ему его «легкие мелочи». Баратынский отвечает и на это, памятуя, что «союз поэтов» обвиняли в дилетантизме, поверхностности и легкомысленном отношении к творческому труду:

Неисповедим Фебов суд.
К чертогу Муз, к чертогу Славы
Одних ведет упорный труд,
Других ведут одни забавы!

Пример этих «других» — Батюшков и Парни. Пример первых:

Напрасно до погу лица
О славе Фофанов хлопочет,
Ему отказан дар певца,
Трудится он — а Феб хохочет!

Ответ Баратынского заканчивался признанием равноправия жанров перед лицом истинного таланта (если, конечно, он истинный талант, не забывает добавить памфлетист):

Равны все Музы красотой,
Несходство их в одной одежде.
Старайся нравиться любой;
Но помолися Фебу прежде.

Второе «послание Крылову» — один из лучших образцов сатирического мастерства Баратынского. Особое качество его пронии заключается в том, что поэт-адресат нигде не объявляется бездарностью — что, впрочем, было бы и несправедливо. Вместе с тем Баратынский постоянно провоцирует такое подозрение, заставляя читателя толковать поэтические формулы Крылова уже с учетом ответных «объяснений». Логикой читательской ассоциации автор «Вакхических поэтов» втягивается в орбиту уподоблений «Фофанову» и стоящих за ним «певцов пятнадцатого класса».

Полемика на этом закончилась. В ближайшие два года Крылов замыкается в своем тихвинском поместье. Литературная жизнь середины 1820-х годов идет мимо него. Он сохраняет связь едва ли не с одним Плетневым, с которым некогда одновременно учился в Педагогическом институте. Связь эта довольно прочна: так, едва ли не к Крылову обращено стихотворение Плетнева «Невесте поэта»¹⁷. Друг Кры-

¹⁷ «Благонамеренный», 1821, № 3, стр. 144. Читано в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств 27 января 1821 г. (архив Общества в ОРК Научной библиотеки им. Горького (ЛГУ), № 199).

лова и ценитель его поэзии, Плетнев пытается теперь побудить его к возобновлению поэтической деятельности; Крылов отвечает ему посланием «К Плетневу», где признается в неизлечимой лени своей музы, замечая при этом, что «прямое наслаждение» заключается в мирных радостях домашнего уединения. «Не слава, а покой мне нужен», — пишет он на этот раз. Плетнев печатно сожалел о молчании Крылова. «Может быть, жизнь сделалась для него лучшей поэзией», — писал он¹⁸. В начале 1824 г. Крылов, впрочем, предпринимает попытку вернуться к литературе — через Михайловское общество; в ответ на запрос из него он пишет на имя Измайлова письмо, где выражает готовность продолжать сотрудничество. Общество, однако, подходило к своему концу. В 1825—1829 гг. несколько стихотворений Крылова появляется в «Северных цветах», вероятно, при посредничестве Плетнева.

Небезынтересно, однако, что теперь, в 1823—1825 гг. предметом полемики становится творчество самого Крылова. Бестужев в «Полярной звезде» оценивает его как подражательное¹⁹. Плетнев спешит выступить на защиту, ссылаясь на элегию Крылова «Недоверчивость», «исполненную первоклассных и свежих красот отечественной поэзии»²⁰ — и развертывает в «Северных цветах» подлинную апологию Крылова как оригинального поэта, полностью приведя ту же элегию²¹. За три-четыре года успела измениться литературно-эстетическая атмосфера. В эстетической системе Бестужева антагонисты Крылов и Баратынский оказываются явлениями одного порядка. Быстро устаревает и «унылая элегия» — против нее выступают не только Бестужев или Кюхельбекер, но и сам Баратынский. Пушкин из Михайловского дает суровый отзыв о статье Плетнева и скептически упоминает Крылова. Не был доволен обзором Плетнева и Баратынский. Плетнев вынужден согласиться²².

Накануне, 20 декабря 1820 г. в «ученой республике» было прочитано стихотворение Крылова «Портрет моей невесты» (В. Б а з а н о в. Ученая республика, стр. 391; «Соревнователь», 1821, № 2).

¹⁸ Северные цветы на 1825 г. СПб., 1825, стр. 61.

¹⁹ Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823, стр. 31.

²⁰ «Соревнователь», 1823, ч. XXI, кн. 1, стр. 102.

²¹ Северные цветы на 1825 г., стр. 61—63.

²² См. письмо Плетнева Пушкину 7 февраля 1825 г. — А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. XIII. Изд-во АН СССР, 1937, стр. 139, 140.

Творческий путь Крылова обрывается в половине 1820-х годов; вскоре же обрывается и его жизненный путь. По переписке и материалам архива Андрея Петровича Римского-Корсакова, отца композитора, мы знаем, что Крылов общался с его кругом — средоточием тихвинской интеллигенции, сохранявшим, между прочим, непреходящий интерес к пушкинской поэзии. Я. И. Бередников, историк, будущий академик, знавший Крылова в его последние годы, сообщал о наступившем у него творческом подъеме: поэт занимался итальянским языком и литературой и задумывал исторический роман с изображением нравов провинциальной Руси XVII века. Планам этим не суждено было осуществиться. Зимой 1828-29 гг. Крылов тяжело заболел; болезнь привела к психическому расстройству и слепоте. 14 июля 1829 г. он скончался в своем имении под Тихвином.

Среди бумаг Бередникова в архиве Академии наук СССР сохранились три письма Крылова, относящиеся к 1828 г. Бередников был точен: в 1828 г. Крылов погружен в литературные занятия. Он читает — много и жадно, не упуская ни одного из журналов или газет, попадающих ему в руки. Он изучает Востокова и читает Пушкина; Пушкина в «Московском вестнике», Пушкина в «Северных цветах», Пушкина в «Евгении Онегине». Но едва ли не самое интересное в этих письмах — пристальное внимание к историческим работам и романам Вальтера Скотта. Замысел собственного исторического произведения о провинциальном быте Руси XVII века возникал не на пустом месте, — и обещал быть весьма интересным феноменом в историко-литературном отношении, хотя бы уже из-за личности его автора. Продолжатель элегической и мадригальной поэзии XVIII века, увлекшийся Вальтером Скоттом и большой прозаической формой; поэт «французской» ориентации, читающий «Московский вестник» и описывающий допетровскую Русь; образованный литератор и провинциальный помещик, готовящийся стать бытописателем русской провинции XVII столетия, — таковы парадоксы литературной эволюции, которые оборачиваются закономерностью в иные эпохи, подобные эпохе становления русского романтизма.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. А. Крылов — А. Е. Измайлову¹
17 января 1824

Милостивый государь
Александр Ефимович!

Долговременная отлучка моя из Тихвина была причиною, что я не мог отвечать ранее на отношение ваше от 4 октября прошедшего года, которое я имел честь получить уже по моем возвращении. Надеюсь, что вы, уважив сие обстоятельство, не припишете моего продолжительного молчания невнимательности к почтенному Обществу, которое удостоило меня звания действительного члена. Желая сохранить сие лестное для меня звание, я при сем имею честь препроводить к вам тридцать рублей ассигнациями, следующие с меня на расходы Общества за 1823 и 1824 годы, и изъявляю Обществу готовность служить ему посильными своими трудами. Некоторые обстоятельства жизни удаляли меня от Муз, но теперь, возвращаясь к ним снова, я почту приятною обязанностью представлять свои занятия на суд моих почтенных сочленов. С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть навсегда вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Января 17 дня
1824
Тихвин.

Александр Крылов.

Р. S. При сем препровождаю к вам, почтеннейший Александр Ефимович, за недостатком своего чужой перевод, который покорнейше прошу поместить в вашем журнале, если можно; чем весьма одолжите и меня, и молодую переводчицу, которая предоставляет вам сделать какие угодно поправки в ее рукописи.

Помета: Слуш<али> 24 янв. 1824

А. А. Крылов — Я. И. Берендикову²
13 июля 1828

Почтеннейший Яков Иванович!

Извините, что не возвращаю вам теперь вашей книги: Стихотворения Востокова. Я не успел еще дочитать ее, потому что с самого приезда в деревню был занят разными домашними хлопотами. К сожалению, не могу вам переслать на этот раз и обещанных «Северных цветов», потому что Кирилл Романович, увидав их у меня вчера, завладел ими почти насильно. Когда вырву их из его хищных рук, то непременно достав-

¹ Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в ОРК Научной библиотеки им. Горького (ЛГУ), № 181, л. 53—54.

² Архив АН СССР, ф. 345, оп. 3, № 36.

лю к вам при первом случае. Но чтобы послать к вам теперь что-нибудь, препровождаю при сем «Душеньку» Богдановича которую, помнится, вы изъявляли желание прочесть, и Лафонтенов роман, служивший ей образцом. Les Chroniques de la Sapongate, вероятно, еще не прочитаны вами и в таком случае могут у вас остаться, а я займусь на досуге «Историей Шотландии» Вальтера Скотта: роман его пригодится мне на закуску.

Завидую вам в том, что вы будете читать «Телеграф»; даже и «Сын отечества» издали и за недостатком лучшего пленяет меня. Нельзя ли будет вам, пользуясь этими журналами от Тимофеева, снабжать ими после и меня, разумеется, с хозяйского дозволения; а взамен я могу служить Александру Николаевичу моим «Московским вестником», который на сих днях, кажется, должен быть прислан.

Прошу засвидетельствовать мое почтение Павлу Петровичу, если он возвратился из путешествия. Не забудьте вашего обещания посетить с ним мою пустыню, чем сделаете большое одолжение пребывающему к вам с истинною преданностью и почтением вашему покорному слуге
13 июля 1828. А. Крылов.

На обороте: Его благородию милостивому государю Якову Ивановичу Бередникову. В Тихвине.

Рукой Бередникова: Послано Крыл <ову> Сев. Пч. № 80—83. Акад. Вед. № 53 — 55.

А. А. Крылов — Я. И. Бередникову
3 августа 1828

Милостивый государь
Яков Иванович!

К сожалению моему, давно я не имел случая писать к вам и доставить книги, которые вы желали прочесть. Теперь посылаю в Тихвин нарочного человека и с ним препровождаю к вам «Северные цветы» и «Онегина». Возвращаю вам также прочитанные мной «Стихотворения Востокова», вашу «Северную пчелу» и «Петербургские ведомости». За все это усердно благодарю. Прошу мне сообщить и следующие №№ «Северной пчелы» и те книжки «Московского вестника», которые вы сами успели прочесть: я полагаю, что он уже должен быть получен вами. Не знаю, в чьих руках находятся теперь «Кенонгетские Летописи»; но если они у вас и свободны, то прошу мне их возвратить, потому что я горю нетерпением с ними познакомиться. «Историю Шотландии» я прочитал, и она мне довольно понравилась, хотя, кажется, нельзя назвать ее отличным историческим творением. Она почти вся наполнена отдельными, частными анекдотами и в некоторых местах имеет занимательность романа. Я готов сообщить ее вам по первому требованию.

Прибытие в Тихвин Андрея Петровича соблазняло и меня пуститься в дорогу, чтобы с ним повидаться, а потом увезти с собою вас и Павла Петровича, волею или неволею, как романических героинь. Но постоянно продолжающаяся дурная погода и довольно плохое здоровье

удержали меня от этой поездки. Впрочем, надеюсь, что вы и без похищения посетите меня, чем еще более докажете мне вашу благосклонность.

Кирилл Романович свидетельствует вам почтение и благодарит вас за память об нем.

Желаю вам здоровья, и в надежде скорого свидания с вами пре-
бываю навсегда с истинным почтением покорнейшим слугою

3 августа 1828.

А. Крылов.

А. А. Крылов — Я. И. Березникову
13 октября 1828

Милостивый государь
Яков Иванович!

Весьма радуюсь, что вы отложили отъезд ваш из Тихвина и будете снабжать меня по-прежнему новостями литературными. Последне-
присланных вами газет и журналов я еще не успел прочитать, но пере-
шлю их к вам дня через два с моим человеком, которого отправлю к
рекрутской раскладке. Между тем посылаю вам теперь «Историю Шот-
ландии» и четыре книжки прошлогоднего «Московского вестника». С ист-
инным почтением имею честь быть покорнейшим слугою

13 окт. 1828.

А. Крылов.

P. S. Я хотел было отправить это письмо с Никифором Никифорови-
чем, но так как он его не дождался, то оно и осталось у меня до отъезда
моего человека; а между тем я прочел вашу «Сев<ерную>Пчелу» (6 нуме-
ров) и 4 книжки «Сына отечества», которые при сем к вам и препровождаю.

Павлу Петровичу от меня поклонитесь и возьмите у него мои кни-
ги. Не пишу к нему особо за недосугом. Можете сообщить ему новость,
что сумасшедший моряк, забавлявший его у нас в деревне, переселился
ко мне в дом и живет у меня уже несколько дней. Брат опять его побил
и, кажется, выколотил из него последний мозг. Теперь я стал настоящим
русским помещиком, потому что держу у себя шута.

16 октября 1828.

А. Крылов.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

**ВОПРОСЫ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ФОЛЬКЛОРА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВОРОНЕЖ 1972